

TATAR LITERATURE OF THE 19TH – 20TH CENTURIES AS A HISTORICAL SOURCE

Liliya Ramilevna Gabdräfikova,

Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences,
Kremlin, Kazan, 420014, Russia,
bahetem@mail.ru.

The article deals with the methodological problems of historical and anthropological studies. The study of pre-revolutionary Tatar history from the perspective of “a little man”, his everyday private life and individual personality traits is difficult because of the lack of sources available. One way to solve the problem is to expand the scientific spectrum of historical sources by attracting Tatar folklore and literary works, thus developing an interdisciplinary approach to studies. A brief overview of the history of Tatar folklore and literature studies shows that most of today’s research papers are limited by their highly specialized framework. In the interdisciplinary study of Tatar everyday life in the 19-20th centuries presented, the author demonstrates a historical potential of the folklore and literary heritage of the Tatar people, the possibility of a dialogue between a literary text and historical context. The article presents a socio-cultural analysis proverbs and bayts used by Tatar authors to represent everyday life, as well as source study of works of popular Tatar writers – participants of historic processes at the beginning of 20th century (G.Iskhaki, F.Amirhan, G.Ibragimov). The author also demonstrates how biographies of different writers are used in their literary texts.

Key words: Tatar literature, Tatar folklore, history of everyday life, source, historical anthropology, Gyz Iskhaki, Fatih Amirhan, Galimdzhani Ibragimov.

The increased interest of the state and public into the Russian history of recent years requires a thorough revision of the facts of the past and reconstruction of an objective historical picture. At present, historical and anthropological approaches draw particular attention because they focus on the interests of “a little man”, representation of an individual in various manifestations (mentality, intellect, emotions, culture, discourse, gender, etc.).

The main challenge in conducting a historical and anthropological research of Tatar history is a scarcity of sources.

Firstly, it is difficult to identify specific sources in the study of everyday life. What is needed is a set of documents and materials. Therefore, a property inventory, court testimonies, private correspondence, diaries, medical prescriptions and even a cookbook can become research data. The list is long and includes any artifact that tells something about its owner. However, for decades, these parts of pre-revolutionary past have not only been expelled from people’s memory, but also from national archives. The last was carried out aimed at pre-planned destruction of “unnecessary” papers. Nowadays a lot of archive inventories are marked with “destroyed” entries.

Secondly, the study of everyday history is hampered by “silence” of the majority of actors of the past. Neither Tatar peasants nor workers left behind diaries, memoirs, photographs, from where

we could catch the mood of the time, their living conditions, daily joys and difficulties of common people. In rare cases, you can find letters of villagers or working people, where, after a lengthy entry in full concordance with the oriental discourse conventions there is a short message about current affairs. Sometimes farmers kept logs, in which they recorded weather, prices, certain events of their life (birth, death of beloved ones). It is definitely an important part of their daily lives, but far from being exhaustive.

Thus, reconstruction of private life stories is quite a difficult task, especially if a researcher refers only to traditional set of sources. Therefore, the “world view” restoration of the Tatar society of the late 19th – early 20th century is impossible without literary heritage of the period. And in this process not only original works, the authors of which are known, but folk art is also a significant source, too. On the one hand, the literature is presented to us as a pinnacle of intellectual strivings of people, a snapshot of public sentiment through the prism of spiritual quest of the artist’s words, on the other, it is a long-term experience of masses preserved in simple folklore works.

Scientists of different profiles have done a lot of research on the literary heritage of the Tatar people. The first attempts to systematize Tatar folklore and literature were made even before the revolution of 1917 by Tatar (K.Nasyri, G.Rahim,

G.Gubaydullin, N.Isanbet et al.) [1-4], and Russian researcher (N.Katanov, N.Ashmarin et al.) [5, 6]. A multi-volume "Tatar folk art" was issued in Soviet years in Tatar, it is still the most complete collection of Tatar folklore. During the same period collected works of many Tatar writers were published in the country: those of G.Tukay, K.Nasyri, F.Amirhan, G.Ibragimov, M.Gafuri, G.Kulahmetov, Kamal, the works of S.Rameev, Sh.Babich, N.Dumavi and some others were published selectively. Great contribution to the study of history of pre-revolutionary Tatar literature and culture was made by M.H.Gaynullin, M.S.Magdeev and other scholars [7]. The works of those authors, despite all the ideological framework, are written in good traditions of historicism and deprived of narrow professional formalism. Of course, it is partly due to the widely used method of "oral history" when their informants were contemporaries of the studied historical period. But a research becomes successful not only due to the vicinity of the object under study, but due to professionalism and enthusiasm of researchers. In this regard, M.S.Magdeev's monographs "Literature and Reality" and "Path to realism" are good examples as the author conducted a rigorous work to find prototypes of his literary works among historical figures and restoration of social and cultural environment of writers [8; 9].

One of the most significant events in the post-Soviet years was restitution of literary heritage of Gayaz İshaki and publication of his collected works. Along with the works of this outstanding writer, there were published works of other Tatar authors: emigrants, former political prisoners and forgotten writers [10].

Gender studies became a notable trend in modern Tatarstan: a number of dissertations on the problems of feminism in Tatar literature of the 19th – 20th centuries were defended and issued [11-14]. These dissertations identify the authors who "woke up" a Tatar woman. However, there are no studies analyzing the influence of such like literature on broad masses, women's response to literature addressed to them. For example, in the history of Russian feminism such 'key text' is considered to be the novel "A Vital Question" by Chernyshevsky. Some historical works are based on the comparison of the idea of the novel and its impact on real people [15: 45]. Indeed, literature plays an important role in shaping social values, especially when it comes to society of the 19th – 20th centuries. In pre-revolutionary Tatar history there is only one work analyzing near-literature social struc-

tures. This is the study of Gabdulla Tukay by the German scientist M.Fridrih. The author managed to add new facts and interpretations to the life and works of the famous poet. One of the tasks was to study the dynamics of change in the attitude of society and the state to Tukay for several decades, including the period after his death [16].

The main problem of Tatar humanities (especially pre-revolutionary culture researchers) is the lack of multi-disciplinary approach. There are only a few examples of the dialogue of literature and history [17-19]. Philologists and historians, in fact, exist in parallel worlds. In some cases, a historical context remains beyond philological researches, while in other cases one set of sources leads to an extremely superficial understanding of history, without the so-called "human dimension". Thus, the works focused on sector-specific scopes are unable to create a multi-faceted picture of the past.

The aim of our research is the analysis of Tatar literature of the late 19th – early 20th centuries and folklore through the prism of everyday stories. Some works of the most popular writers of the time and some folk genres were selected as the object of our study.

Folklore is the first key to understanding the world of "silent" actors of the past. Folklore performs a variety of functions: from educational to guarding. This primitive method of learning about the world was dictated by entirely pragmatic objectives of the epoch. Different beliefs and proverbs served as social prescriptions and plots that acted as a self-suggestions, and helped to solve psychological problems. Similar functions are performed by folk songs, especially by bayts. Telling others of his unfortunate situation, a person would in some way get relieved of his burden, and his sadness would become a collective property.

Fairy tales are a special genre in folklore as they perform an entertaining function for adults. However, analysis of symbols and images of this genre is a special research topic. At the moment we do not have a scientific analysis of Tatar oral heritage symbolism similar to that performed by V.Ya.Propp, Y.Heyzing or R.Darton [20-22].

Most historians undeservedly forgot Tatar folklore, although the significance of this genre is proved by the fact that ethical standards of people's behavior are derived from folklore. While sayings are the quintessence of popular wisdom, myths and beliefs explain reasons of particular actions, reveal motives of human behavior [23].

The study of proverbial morals has been one of the focuses of philological research since Soviet

times. The conventions registered in Tatar proverbs were also studied [24]. In recent years, there were interesting attempts to study ethnic characteristics of Tatars based on the proverbial didactics [25-27]. However, scientific analyses sometimes lack conclusions: they do not give an answer to the question of Tatar proverbs specific features of that of the ethnic character. They mark human qualities common to all peoples. It is probably because originally the tasks are narrow, confined to restating known linguistic phenomena. Meanwhile proverbs are a unique source for the study of national consciousness, and first of all of the morals of those sections of the population, who did not leave a rich written heritage. For example, an interesting analysis of Russian peasant mentality was conducted by B.N.Mironov in his work "Social History of Russian Empire period (the 18th – the beginning of 20th centuries)". Based on the proverbs functioning at that period the authors concludes on peasants' attitude to work and rest, land and wealth, poverty, time, past and present [28: 327-331].

The difficulties while conducting this type of analysis are many: while selecting proverbs it is not always possible to identify their origin as many peoples have typical sayings on labor, health, friendship, etc. There is not by chance that philologists classify them as international samples of folklore. Therefore, it is necessary to identify the most characteristic phenomena in the great heritage of folklore. Such proverbs can refer to ethnic and religious traditions, specific historical events. Field data on folklore material can simplify the task of building a proverbial sample for research.

Find below the author's interpretation of a number of proverbial plots. For instance, one of the most exciting moments, especially for Russian and foreign observers was the problem of polygamy among Muslims. However, the third party's observations could not reveal the inner meaning of this phenomenon and the attitude of Muslims towards polygamy. A negative assessment of polygamy was given in more than fifty of folklore samples of this genre on this subject in the collection of Tatar national proverbs collected by N.Isanbet in the first half of the 20th century [29: 199-204]. There are also a number of papers which differ in their conclusions. Polygamy is presented as a feature of Tatar life, which distinguishes Tatars from neighbours. For example, "when Russians become rich they build a church, when Tatars become rich they marry". In general, polygamy is associated with perpetual scandals and competition among women. Inferiority of a younger wife and primacy of the

older wife in the household are emphasized. At the same time, a number of proverbs, on the contrary, point out the necessity for the second wife: it was considered as a kind of symbol of a man's success. A younger wife was an escape ("jeanazygy"), and the older wife received the right to property, to housekeeping. Though in a few proverbs, there are indications that material assets can also be the main incentive of marriage for a younger wife. Thus, proverbs reflect a diverse range of emotions associated with the phenomenon of polygamy.

It should be noted that proverbs are largely viewed as an aid in understanding various phenomena of everyday life. For example, there are 326 proverbs on alcoholism and alcohol in the abovementioned collection of N.Isanbet [29: 526-592]. The total number itself indicates how important is the problem of alcoholism in everyday life of Tatars. Another example is a bribery of officials that can be traced only by court records, but at the same time folk sayings give an incredibly expressive evaluation of this phenomenon. Folk aphorisms can be considered as corner stones in studies of various "images" of the "worldview" of Tatar society [30].

Folk songs are another interesting source of everyday world study of ordinary people, their attitude to tragic events and emotional states. For example, lamentations and mourning are widely used for historical and anthropological research on Russian peasants, soldiers and their families [31, 32].

Bayts are a similar genre in Tatar folklore. These poetic works form an important part of folk heritage. Except for social and household topics, they refer to historical events. As a separate genre of folklore bayts were generated in the 15-16th centuries [33: 6], both in oral and written forms. The narration is typically conducted in the first person. They reflect human emotions, feelings and fears, household hardships and other problems.

A number of the so-called military-historical bayts are devoted to the events of the 19th – early 20th centuries. There is a separate group of recruiting songs. A large number of existing bayts refer to World War I. In 1914-1917, the bayt became such a popular genre of folk art that small books with bayt songs about war were issued in the Tatar publishing houses. Eight books were published in Kazan and Ufa [19: 123].

Thematic bayts about well-known events (about lashmans, the Russian-Japanese War, World War I) are typically used in historical researches. However, there is an example, when a legendary plot of a bayt is confirmed by other sources. The

bayt “*Su vakyygasy*” (“Water Incident”) tells a story of a terrible flood in the suburb of Kazan, the village of Slujilaya Urathat in which over eighty people were killed. There are several variations of this bayt. The documents confirm that the disaster happened on the 1st of June, 1817, and though the official death toll was lower, the population of the village Ur was “in terror” [34: 41-46]. Thus, the bayt is used here not as an additional source of a well-known event but as a guide for search and expansion of resources for a specific fact.

Entirely different sources are original works of the 19th – 20th centuries. The feasibility of using literary works in historical research has been a subject of discussion in the source study for a long time [35: 399]. Neglected by researchers of pre-revolutionary history is also the “golden age” of Tatar literature. In the early twentieth century almost any educated Tatar youth tried himself as a writer. It can be observed in early writing of future scientists such as G.Gubaydullin, G.Rahim, S.Maksudi, musician V.Apanaev and other famous people. Therefore, the autobiographical nature of such like works plays a special role despite their artistic values as they are original documents of the era.

Pre-revolutionary ethnographers and journalists were often interested in everyday life of Muslim Tatars. However, Russian and foreign observers generally describe nothing but externals of “eastern exotic”: appearance, housing, food, etc. And even K.Fuks, who spoke Tatar, did not reveal all aspects of Kazan Tatars life. The daily life of Tatars could only be described by the one who was a part of this environment.

One of the most popular Tatar writers of the 19th – 20th centuries was Gayaz İshaki. He quickly changed his mentoring tone of his first works in the Ottoman style to the style of Russian classics. This transformation provided him a tremendous success with readers, of which no one of his predecessors such as M.Akeget or Z.Bigiev. R.Fahreiddin and F.Karimi could dream. His less prolific contemporary writers soon completely switched to publicistic style.

The works of Gayaz Effendi were eagerly bought, his plays were staged in Tatar theaters, and madrasah certificates and notebooks were decorated with his portrait. In his realistic prose, characters were recognizable and details of everyday life were described by the author with ethnographic accuracy. The main characters of İshaki are clergy (*mullahs*, *abystai*), *mugallim*y (teachers), shakirdy (students), merchants and members of

their families. İshaki “picked” his characters from his own environment. The writer was familiar with rural and urban life. Contemporaries called İshaki characters “our cultural types” [36].

However, the historical component of this intellectual heritage is still poorly understood. İshaki is considered one of the ideologists of Tatar women's movement, so most often literary critics analyzed his works in terms of “women's issue”. In addition to this trend, especially in prose, İshaki portrayed intellectuals [37], but with a special warmth the writer portrayed life of villagers, peasant environment, familiar and understandable to him since childhood.

At first glance there were quite unusual characters. For example, in the story about *sonnatche babay* (circumcision specialist) G.İshaki also describes household background, the writer shows a particular way of life of this man, his anxious attitude to his profession, transmitted from generation to generation. The description is confirmed by documentary evidence. For example, doctor A.Suharev wrote about the villages where circumcision was performed. At a certain times, this specialist would go to different destinations to carry out the procedure. “Usually, the craft is passed from generation to generation”, – he noted [38: 41].

In many works by Gayaz İshaki there are autobiographical moments. For example, the story “*Zindan*” can be attributed to memoirs. He began to write it after the revolutionary events, still in Chistopol prison in 1907. In addition to the description of prisoners' everyday life, in this story, you can find answers to some questions about the private life of the writer.

İshaki is one of the few authors who described the life and attitude of pupils to Tatar madrasah. In his short stories and novels one can trace daily routine, living conditions and leisure activities of pupils and their spiritual and moral growth. The novel “*Mullah bogeyman*” (1910) which can rightly be called an encyclopedia of shakirds life occupies a special place in this series.

Shakirds' everyday life can be called one of the less-known problems, primarily due to the lack of available sources. The archival materials give little information: either observation of Russian inspectors of non-Russian schools or residence rules in schools [39]. In official documents, there is no information on the relationship of shakirds in madrasahs, on students' hierarchy, their attitude to their mentors, internal rules of madrasahs, about leisure activities, etc. This gap can be filled only with the

materials of personal origin. In this regard, G.Iskhaki's prose is one of the most informative sources.

Gayaz İshaki studied in several madrasas (Chistopol and Kazan), but was unable to continue his father's work and serve as a mullah. In his prose about shakirds' life, literary characters are often faced with a dilemma - what to do next, and whether what they are doing their business. Of course, the lack of understanding between the older and younger generations has always existed, but it was at the turn of the 19th – 20th centuries that the conflict was particularly acute. Ishaki reflected ambivalence of his generation in his works ranging from high ideals to moral decay.

One of the writer's main themes is the theme of love and marriage. In his stories we can trace the life of Tatars from matchmaking to family dramas. Some critics were even irritated by excessive candor of Gayaz Effendi. It seemed indecent to read the details of intimate life of a couple to a Muslim audience [40: 108-109, 246]. Gayaz İshaki often solved family conflicts with the help of a divorce in his works. By the way, the writer himself was in divorce. The archive papers certify that he was twice married to the same woman and divorced her. For the first time Gayaz İshaki married Maryam Sharipova in 1903, and finally divorced in 1908. [41: 574-575]. The details of these confusing divorce stories are described by him in "*Zindan*".

Another popular author at the beginning of the 20th century was Fatih Amirhan. His life, on the one hand, is a unique phenomenon. On the other, it is quite typical for people born in 1880-90s. As a shakird he dreamed about studying at a university and prepared himself for such life. He had a deep inferiority complex like many Tatar young people of the early 20th century. "Asiatic" environment weighed heavily upon him but he was inextricably linked with it. F.Amirhan was distinguished not only for his critical notes on topics of the day, but also for romanticized artistic works.

Almost all the works of F.Amirhan are of great interest for historical research. Even though his short stories and novels have a certain degree of artificiality (such as "*Hayatt*" or his futuristic novel "*Fatkhulla Hazrat*"), his fiction gives an interesting historical material. These works are already being used as a source by some historians. For example, the description of Hayatt's house is used in the monograph of D.Suleymanova "Interior Tatar house: Origins and Development" [42].

The appearance of traditional European interior elements such as separate samples of furniture,

paintings, as the 19th – 20th centuries, musical instruments in Tatar society were considered as a kind of deviation from the accepted norms. The same stereotypes dominated when people formed their opinion of a person's appearance. The living space and appearance of a man characterized their owner. Therefore, F.Amirhan always put his contradictory characters in the decoration of the new world and represented them in the clothes of the new generation of the Tatars. While describing Gabdelmazhit's house, a merchant's son, who lives in the "European style", he writes in "The Holidays": "I was not used to seeing pictures on the walls, depicting living creatures, or a huge piano in the corner ..." [43: 20]. In the story "How to Contribute to the Progress of the Nation," the author pointed out that the hero-shakird "wore a long jacket made by a Tatar tailor" [43: 26]. This casual remark meant a long history of struggle and interaction of traditions and innovations in clothing.

Modernization of traditional culture of urban Tatars led to the fact that almost every new phenomenon came into conflict with the Muslim perception of the world. It was about the external appearance of the Tatars, the status of women, commercial matters, etc. Fatih Amirhan noticed all these contradictory points. Muslims even greeted in another way: not with one hand but two. "They greeted Husain, shaking him with only one hand, and removed hats after making sure that there were no outsiders in the room" as he described meeting Tatar intellectuals in one of his short stories [43: 27].

In addition to the above-mentioned specific details of everyday life, F.Amirhan's works can be considered as a source of information of a different kind. Unlike G.Iskhaki who never limited himself in choosing a theme, he was narrating with the same psychologism about rural mullah's wife as well as about the young clerk in a big city, F.Amirhan's heroes are related to a very narrow social group of Tatar society. Almost all his works are devoted to the educated urban youth, rushing between duty to the tradition and the desire to change their world. He illustrated first of all the ideals of his generation namely the youth at the beginning of 20th century. Therefore, it is unnecessary to look for prototypes of F.Amirhan's literary heroes, it is necessary to compare the author's designed reality and the reality itself.

Galimdzhan Ibragimov appeared on the literary scene in the 20th century a bit later than G.Iskhaki and F.Amirhan. Not all of his works can be seen as a guide to the world of everyday life of Tatars in

the 19th – 20th centuries. This is explained by the writer's tendency to romanticize reality even before 1917, and formalize the new regime of power.

However, one of his first published novels "Young Hearts" (1912) is different from the rest of his pre-revolutionary works. Of all the literary heritage of the author, this novel is the most illustrative source showing Tatar daily routine at the beginning of the 20th century. It clearly outlines the struggle of old and new, different moods in the society after the revolution of 1905-1907, relation to the new phenomena. The writer was able to emphasize the characteristic features of everyday life of Tatar at the beginning of the new century: from newspapers to the perception of the choice of drinks. Readers warmly received the novel and critics noted only minor roughness in the description of some of the characters. For example, they assumed that the image of the Tatar nobility [44: 79] came out not quite believable.

There are two rural families in the center of the story, they are mullahs and noblemen. Individual parts of the novel indicate that the action takes place far from Kazan. The writer himself was also from a family of rural mullah and was raised in Ufa province. Many details of the novel are similar to individual episodes of G.Ibragimov's biography [45]. That made the work an ethnographical one. The appeal of the protagonist Zia in the army is the center of the narration. The whole family is excited about the upcoming inspection of recruits. The subject of the army has been raised earlier in the Tatar literature by Gayaz'ishaki in the story "Soldier". But social significance of G.Ibragimov's novel was to focus attention of readers on the question under the code name "sehersez Ruza" (hunger strike of future soldiers). Different ways of mutilation were practiced in Tatar society since the time of recruits' calls, and they took even greater dimensions with the introduction of universal conscription. They invented new ways to provide medical deferment. The novel's hero Zia was also trying to evade military service with the help of doctors.

Worth reading are also descriptions of Tatar inductees on the inspection day. The episode is narrated with all the details [46: 341]. Obviously, the writer himself went through this procedure. Future soldiers as if hoping that their clothing would appeal to authorities, emphasized their importance and dreamed of avoiding recruitment. In comparison with Tatar recruits, representatives of other nationalities looked more casually. Tatars perceived inspection as a kind of the "purgatory" and pre-

pared for it as for the last day. The same attitude was towards recruits in the village, as to the doomed people.

In addition to this problem, G.Ibragimov raises a whole series of relevant social issues of his time, so this work is the key to studying Tatar daily life at the beginning of the 20th century.

Thus, the works of G.Iskhaki, F.Amirhan, G.Ibragimov and their other contemporaries open up a wide scope for research in the field of social history, with its "corporeal world" and diverse range of moods. People's moral can be traced in folklore materials. However, folklore and literary works are original documents of the era, which require a comparison with other information sources of the time (historical data, periodicals, etc.). Documentary works are to be classified to be used in reconstruction of the realities of Tatar Muslim society of the 19th – 20th centuries. However, the same can be applied to all other documents of personal origin.

Anthology is an essential tool for interdisciplinary research which plays a supporting role for historians. In the Soviet period and in the 1990s a number of anthologies of local history were published by Russian provincial authors [47-49]. These sources have not lost their significance today. Similar systematization of Tatar literary classics is necessary to increase modern research interest.

References

1. *Nasyrov A.K., Polyakov P.A.* Skazki kazanskikh tatar i sopostavlenie ikh so skazkami drugih narodov. Kazan': Tipo-litografiya Imperatorskogo Kazanskogo universiteta, 1900. 112 s. (in Russian)
2. *Nedzhib'.* Probuzhdenie russkikh tatar i ikh literatura // *Sovremennik*. 1911. Kn.4. S.169-171. (in Russian)
3. *Gabdrafikova L.R.* "Drevnie tyurki govorili „vpered“, oboznachaya etim „na Vostok“ (fragmenty iz lektsiy Gali Rakhima "Fol'klor kazanskikh tatar") // *Gasyrlar avazy = Ekho vekov*. 2012. №3//4. S.177-185. (in Russian)
4. *Validi Dzh.* Ocherk istorii obrazovannosti i literatury tatar. Kazan': Iman, 1998. 157 s. (in Russian)
5. *Katanov N.* Povolzhskie tatary v ikh proizvedeniyakh i v zhizni. Obzor literaturnoy deyatelnosti tatar za XIX vek // *Gasyrlar avazy = Ekho vekov*. 2001. №1. S.165-181. (in Russian)
6. *Koblov Ya.D.* Religioznye obryady i obychai tatar magometan // *Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom kazanskom universitete*. Tom 24, Vyp.1-6. Kazan': Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta, 1908. S.522-528. (in Russian)

7. *Gaynullin M.Kh.* Tatarskaya literatura i publitsistika nachala XX veka. Izd. 2-e, dop. Kazan': Tatar.knizhn. izd-vo, 1983. 350 s. (in Russian)
8. *Mähdiev M.S.* Ädäbiyat häm chynbarlyk: XX yöz bashy tatar ädäbiyatı tarikhına yaña materiallar. Kazan: Tat. kit. nāshr., 1987. 304 b. (in Tatar)
9. *Mähdiev M.S.* Realizimğa taba: XX yöz bashy tatar ädäbiyatında chynbarlyknyñ chaglyshy mäś'äläläre. Kazan: Kazan universitety nāshriyatı, 1989. 154 b. (in Tatar)
10. Tatar khikāyaläre: XX gasyr bashy. Kazan: Mägarif, 2007. 399 b. (in Tatar)
11. *Shämsutova A.* Gayaz Iskhakyy izatyna feministik problemalarynyñ ideya-estetik evolyutsiyase (1897-1954). Kazan: Gumanitarya, 2003. 192 b. (in Tatar)
12. *Nikishina S.R.* Problema feminizma v tatarskoy literature nachala XX veka (evolyutsiya tvorcheskogo metoda i geroya). Elabuga: EGPU, 2004. 126 s. (in Russian)
13. *Gimranova D.G.* Problema zhenshchin v literaturnykh trudakh Rizaeddina Fakhreddina ("Salima, ili Tselomudrie", "Asma, ili Deyanie i kara"): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kazan', 2011. 14 s. (in Russian)
14. *Kadymova R.R.* Vklad Rizaeddina Fakhreddina v formirovanie novogo statusa zhenshchiny v tatarskom obshchestve kontsa XIX– nachala XX vv.: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. Kazan', 2013. 23 s. (in Russian)
15. *Pietrov-Ennker B.* "Novye lyudi" Rossii: Razvitie zhenskogo dvizheniya ot istokov do Oktyabr'skoy revolyutsii / Per. s nem. M., 2005. 444 s. (in Russian)
16. *Fridrikh M.* Gabdulla Tukay kak ob''ekt ideologicheskoy bor'by / per. s nem. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2011. (in Russian)
17. *Gali B.T.* Tatarskaya khudozhestvennaya literatura 1914-1917 godov kak istoricheskiy istochnik // Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. T.150. Kn.8. S.183-188. (in Russian)
18. *Khabutdinov A.Yu.* Tema Pervoy mirovoy voyny v tatarskoy maloy proze nachala XX veka // Filologiya i kul'tura. Philology and Culture. 2015. №4(42). S.255-259. (in Russian)
19. *Gabdrāfikova L.R., Abdullin Kh.M.* Tatary v gody Pervoy mirovoy voyny (1914-1918). Kazan': Institut istorii im. Sh.Mardzhani, 2015. 396 s. (in Russian)
20. *Propp V.Ya.* Fol'klor i deystvitel'nost'. Izbrannye stat'i. M.: Nauka, 1976. 324 s. (in Russian)
21. *Kheyzinga Y.* Osen' Srednevekov'ya / per. s niderl. SPb.: Izd-vo Ivana Limbakha, 2013. 768 s. (in Russian)
22. *Darton R.* Velikoe koshach'e poboishche ili drugie epizody iz istorii frantsuzskoy kul'tury / per. s angl. M.: NLO, 2002. 384 s. (in Russian)
23. *Gabdrāfikova L.R.* Tatarskiy fol'klor kak osnova natsional'nogo etiketa // Estetyczne aspekty literatury polskich, białoruskich i litewskich татаров (od XVI do XXI w.) = Esteticheskie aspekty literatury pol'skikh, belorusskikh i litovskikh татар (XVI – XXI vv.) / Edited by Grzegorz Czerwinski, Artur Konopacki. Białystok, 2015. C.205-216. (in Russian)
24. *Azamatov D.M.* Bashkirskie i tatarskie poslovitsy kak istochnik izucheniya narodnogo mirosozertsaniya// Fol'klor narodov RSFSR. Ufa, 1975. Vyp.2. S.187-191. (in Russian)
25. *Bakirova G.R.* Otrazhenie semeyno-obryadovykh otnosheniy v poslovitsakh i pogovorkakh kurganskikh татар i bashkir // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. №22. S.18-21. (in Russian)
26. *Damindarova F.V.* Otrazhenie dukhovno-nravstvennykh traditsiy v poslovitsakh narodov Uralo-Povolzh'ya // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. №32. S.61-66. (in Russian)
27. *Khuzina E.S.* Gendernye stereotipy v tatarskom yazykovom soznanii // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. №13. S.147-149. (in Russian)
28. *Mironov B.N.* Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachala XX v.): V 2 t. T.1. 2-e izd., ispr. SPb.: Dm. Bulanin, 2000. XL, 548-583 s. (in Russian)
29. Tatar khalyk mäkal'läre: mäkal'lär žyelmasy: 3 tomda / Töz. N.Isänbät. 2-nche basma. T.2. Kazan: Tatarstan kitap nāshriyatı, 2010. 748 b. (in Tatar)
30. *Gabdrāfikova L.R.* Obraz chinovnika v "kartine mira" татар v kontse XIX – nachale XX veka // Byurokratiya i vlast' v Rossiyskoy imperii v kontse XVIII – nachale XX vv.: regional'nyy aspekt: Sb. nauchn. trudov / nauchn. red. I.V. Maslova, otv.red. N.L. Semenova. Sterlitamak: Sterlitamakskiy filial BashGU, 2014. S.18-32. (in Russian)
31. *Porshneva O.S.* Sotsial'noe povedenie rossiyskogo krest'yanstva v gody Pervoy mirovoy voyny (1914 – fevral' 1917 g.) // Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik, 2000. M.: ROSSPEN, 2000. S.60-61. (in Russian)
32. *Shcherbinin P.P.* O chem plakala soldatka? (Povsednevnyaya zhizn' soldatskikh zhen v Rossii v XVIII – nachale XX v.) // Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik, 2004. M.: ROSSPEN, 2005. S.134-137. (in Russian)
33. Tatar khalyk izady. Bäetlär. Kazan: Tatarstan kitap nāshriyatı, 1983. 352 b. (in Tatar)
34. *Salikhov R.R.* Sluzhilaya Ura: rozhdenie tatarskogo kapitalizma. Kazan': Institut istorii im. Sh.Mardzhani, 2015. 280 s. (in Russian)
35. Istochnikovedenie noveyshey istorii Rossii: teoriya, metodologiya, praktika / pod red. A.K. Sokolova. M.: Vyssh. shk., 2004. 687 s. (in Russian)
36. *Gabdrāfikova L.R.* Sotsial'naya zhizn' tatar-musul'man na rubezhe XIX-XX vv. v khudozhestvennoy interpretatsii GayazaIskhaki // Oblik rossiyskoy provintsii: istoricheskie i sovremennye sotsiokul'turnye problemy: V

- Mezhdunarodnye Stakheevskie chteniya. Elabuga, 2012. S.98-105. (in Russian)
37. *Kadyrova A.O.* P'esy Iskhaki na temu intelligentsii – aspekt "novoy dramy": dis. ... kand. filol. nauk. Kazan', 2007. 185 s. (in Russian)
 38. *Sukharev A.* Kazanskie tatory (uezd Kazanskiy). Opyt etnograficheskogo i mediko-antropologicheskogo issledovaniya. SPb Tip. P.P. Soykina, 1904. 195 s. (in Russian)
 39. Medrese g. Kazani XIX – nach. XXvv.: Sbornik dokumentov i materialov. Kazan': Gasyr, 2007. 319 s. (in Russian)
 40. *Iskhakyy G.* Äsärlär. 15 tomda. T.8. Kazan: Tatar. kitap nashriyaty, 2001. 447 b. (in Tatar)
 41. Gayaz Iskhakyy: tarikhi-dokumental' žyentyk. Kazan: Žyen, 2011. 964 b. (in Tatar)
 42. *Suleymanova D.N.* Inter'er tatarskogo doma: istoki i razvitie. Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 2010. 141 s. (in Russian)
 43. *Amirkhan F.* Na pereput'e / per. s tat.yaz. Kazan': Tatarsk. knizhnoe izdatel'stvo, 1979. 334 s. (in Russian)
 44. Retsenziyalärdän täg''ziyalärgä. XX yöz bashy tatar ädäbiyate tänkyyte / töz. T.Sh. Gyylažev. Kazan: Tatar. kitap nashriyaty, 2008. 254 b. (in Tatar)
 45. *Gabdrafikova L.R.* Tatarskaya povsednevnost' kontsa XIX – nachala XX veka v romane Galimdzhana Ibragimova "Molodye serdtsa" // G.Ibrahimov mirasy häm törki dön'ya: konferentsiya materiallary. Kazan, 2012. 131-133 b. (in Russian)
 46. *Ibrahimov G.* Saylanma äsärlär. T.1. Kazan: Tatknigoizdat, 1957.525 b. (in Tatar)
 47. Kazan' v khudozhestvennoy literature /sost. V.Aristov, A.Karimullin, V.Klimentovskiy. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1977. 360 s. (in Russian)
 48. Bashkiriya v russkoy literature, v shesti tomakh. T.2. / red. kollegiya Rakhimkulov M.G. (sost.), Safuanov S.G., Chvanov M.A. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1990. 432 s. (in Russian)
 49. Znamenitye lyudi o Kazani i Kazanskom krae / sost. A.V. Garzavina, I.A.Novitskaya. Kazan': Kazan-Kazan', 1999. 424 s. (in Russian)

ТАТАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА РУБЕЖА XIX-XX ВВ. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Лилия Рамилевна Габдрафикова,
Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан,
Россия, 420014, Казань, Кремль, 2-й подъезд,
bahetem@mail.ru.

В статье рассматриваются методологические проблемы историко-антропологических исследований. Изучение татарской истории дореволюционной эпохи с точки зрения интересов «маленького человека», его частной жизни и повседневности, индивидуальных особенностей личности затруднено из-за недостаточной источниковой базы. Одним из способов преодоления данной научной проблемы является расширение спектра источников исторических исследований за счет привлечения материалов татарского фольклора и литературных произведений, а также развитие междисциплинарного подхода в татарской гуманитарной науке. Краткий обзор истории изучения татарского фольклора и литературы показывает, что большинство современных научных работ ограничены узкоспециализированными рамками. На примере изучения татарской повседневности рубежа XIX-XX веков автор демонстрирует исторический потенциал фольклорного и литературного наследия татарского народа, возможность диалога между художественными текстами и историческим контекстом в междисциплинарных исследованиях. В статье представлен социокультурный анализ пословиц и баитов в рамках отдельных сюжетов повседневности, источниковедческий обзор произведений популярных татарских писателей – участников исторического процесса начала XX века (Г.Исхаки, Ф.Амирхана, Г.Ибрагимова). Кроме того, рассмотрены биографии писателей и отдельные автобиографические моменты в их художественных текстах.

Ключевые слова: татарская литература, татарский фольклор, история повседневности, источниковедение, историческая антропология, Гаяз Исхаки, Фатих Амирхан, Галимджан Ибрагимов.

Взросший в последние годы интерес государства и общественности к российской истории требует более тщательной ревизии фактов прошлого и реконструкции объективной исто-

рической картины. Из существующих научных подходов привлекает особое внимание историко-антропологический, который ставит во главу угла интересы «маленького человека», рассмотрение индивида в самых разных его проявлениях (ментальности, интеллекта, эмоций, культуры, дискурса, гендера и т.д.).

Основной проблемой в проведении историко-антропологических исследований на материалах татарской истории является скудность источниковой базы.

Во-первых, в изучении повседневности трудно выделить конкретные источники. Здесь нужен целый комплекс документов и материалов. Поэтому и опись имущества, и судебные показания, и частная переписка с дневниками, и врачебный рецепт, и поваренная книга могут стать инструментами познания. Список можно продолжать долго, любой артефакт что-то расскажет о своем хозяине. Однако эти детали из дореволюционного прошлого на протяжении многих десятилетий выдвоялись не только из жизни и памяти людей, но даже в архивных хранилищах нередко проводилась плановая работа по уничтожению «ненужных» документов. И сегодня многие описи архивных фондов пестрят пометками «уничтожен».

Во-вторых, исследование обыденной истории затрудняется «безмолвием» большинства акторов прошлого. Ни татарские крестьяне, ни рабочие не оставили после себя дневниковых записей, мемуаров, фотографий, где мы могли бы уловить настроение времени, условия их жизни, ежедневные радости и трудности простого человека. В редких случаях можно обнаружить письма деревенских жителей или рабочего люда, где после пространного вступления в восточном стиле будет небольшое сообщение о текущих делах. Иногда крестьяне вели записи, где фиксировали погоду, цены, отдельные события своей жизни (рождение, смерть близких людей). Безусловно, это важная часть их повседневной жизни, но далеко не исчерпывающая.

Таким образом, реконструкция эпизодов истории частной жизни – задача довольно трудная, тем более если исследователь обращается только к традиционному набору источников. Поэтому восстановление «картины мира» татарского общества конца XIX – начала XX в. невозможно представить без литературного наследия того периода. При этом важны не только авторские произведения, но и народное творчество. С одной стороны, литература пред-

стает перед нами как вершина интеллектуальных исканий народа, моментальная картина общественных настроений через призму душевных поисков одного художника слова, с другой – это многолетний опыт народных масс, законсервированный в простейших образцах фольклора.

Если вкратце коснуться истории изучения данного вопроса, то, безусловно, учеными разных профилей проведена огромная работа по изучению литературного наследия татарского народа. Первые попытки систематизации татарского фольклора и литературы были сделаны еще в дореволюционное время как татарскими исследователями (К.Насыри, Г.Рахим, Г.Губайдуллин, Н.Исанбет и др.) [1-4], так и русскими авторами (Н.Катанов, Н.Ашмарин и др.) [5, 6]. В советские годы был подготовлен многотомный труд «Татарское народное творчество» на татарском языке, который и сегодня является наиболее полным собранием татарского фольклора. Также в этот период вышли собрания сочинений Г.Тукая, К.Насыри, Ф.Амирхана, Г.Ибрагимова, М.Гафури, Г.Кулахметова, Г.Камала, избранные труды С.Рамеева, Ш.Бабича, Н.Думаи и других авторов. Большой вклад в изучение дореволюционной истории татарской литературы и культуры внесли М.Х.Гайнуллин, М.С.Магдеев и другие ученые [7]. Работы этих литературоведов, несмотря на все идеологические рамки, были лишены узко-профессионального формализма и отличались историзмом мышления. Конечно, это объяснялось и широко используемой методикой «устной истории», когда их информаторами выступали современники изучаемой исторической эпохи. Но успех этих научных изысканий, безусловно, не только в близости к исследуемому объекту, но и в профессионализме и энтузиазме исследователей. Например, в этой связи можно отметить монографии М.С.Магдеева «Литература и действительность» и «Путь к реализму», где автор проводит скрупулезную работу по поиску прототипов литературных произведений среди исторических персонажей и восстановлению социокультурной среды писателей [8, 9].

В постсоветские годы одним из знаковых событий стало возвращение литературного наследия Гаяза Исхаки, издание полного собрания его сочинений. Наряду с этим выдающимся писателем в различных сборниках увидели свет произведения других татарских

авторов-эмигрантов, а также репрессированных и незаслуженно забытых писателей [10].

Одним из заметных направлений литературоведческих работ стали гендерные исследования. В этой связи был подготовлен целый ряд диссертаций о проблемах феминизма в татарской литературе рубежа XIX-XX вв. [11-14]. Таким образом, уже обозначены основные авторы, «пробудившие» татарскую женщину. Однако пока нет исследований, где анализируется степень влияния того или иного произведения на широкие массы, реакция самих женщин на адресованную им литературу. К примеру, в истории русского феминизма таким ключевым текстом признается роман Н.Г.Чернышевского «Что делать?». Некоторые исторические работы строятся на сопоставлении идеи романа и его воздействия на реальных людей [15: 45]. Действительно, литература играет важную роль в формировании социальных ценностей, особенно когда речь идет об обществе рубежа XIX-XX в. По дореволюционной татарской истории пока можно выделить только одну работу, где анализируются околослитературные общественные конструкции. Это исследование немецкого ученого М.Фридриха о Габдулле Тукае. Автор сумел по-новому осмыслить жизнь и творчество знаменитого поэта. Одной из задач исследования было изучение динамики изменения отношения общества и государства к Тукаю на протяжении нескольких десятилетий, в том числе уже после его смерти [16].

Основной проблемой татарской гуманитарной науки (прежде всего исследователей дореволюционной культуры) является отсутствие междисциплинарных исследований. Есть лишь единичные примеры диалога литературы и истории [17-19]. Филологи и историки, по сути, существуют в параллельных мирах. В одном случае часто за рамками филологических разборов остается исторический контекст, в другом оперирование только одним набором источников приводит к плоскому пониманию истории, без так называемого «человеческого измерения». Таким образом, ориентированность лишь на узкоспециальные рамки лишает исследователя-гуманитария многогранной картины прошлого.

Целью нашего исследования является анализ татарской литературы и фольклора сквозь призму повседневной истории конца XIX — начала XX века. Для этого в качестве объекта изучения были выбраны некоторые

произведения наиболее популярных писателей того времени и отдельные фольклорные жанры.

Устное народное творчество является первым ключом к пониманию мира «безмолвных» акторов прошлого. Фольклор выполнял самые разнообразные функции: от педагогической до охранительной. Этот примитивный способ освоения мира был продиктован вполне прагматичными задачами с точки зрения той исторической эпохи. Различные поверья и пословицы служили как социальные предписания, заговоры действовали как самовнушение и решали, по сути, психологические задачи. Аналогичные функции выполняли народные песни, в особенности байты. Оповещающая о своем несчастном положении, человек в какой-то мере избавлялся от внутреннего груза, его печаль становилась уже достоянием коллектива.

В этом ряду особняком стоят народные сказки. Прежде всего они выполняли развлекательные задачи, причем для взрослого населения. Но разбор символов и образов этого жанра — особая тема для исследований. Пока мы не имеем научного анализа символики татарского устного наследия, выполненного ни на уровне работ В.Я.Проппа, ни тем более на уровне междисциплинарных исследований вроде Й.Хейзинга или Р.Дартонна [20-22].

Татарский фольклор незаслуженно забыт большинством историков. Хотя даже этические нормы поведения народа являются производным от его фольклора. И если мифы и верования поясняют причину того или иного действия, раскрывают мотивы поведения человека [23], то пословицы представляют собой квинт-эссенцию народной мудрости.

Изучение народных установок через пословицы является одним из направлений работы филологов еще с советских времен. Велась эта работа и на базе татарских пословиц [24]. В последние годы были предприняты интересные попытки изучить этнические особенности народа через пословицы [25-27]. Однако исследователи проделанный научный анализ иногда оставляют без емкого вывода, где нет ответа на вопрос, в чем заключаются особенности татарских пословиц, национального характера. Ведь обозначенные ими человеческие качества или стремление к ним присущи всем народам. Возможно, это происходит потому, что авторы изначально ставят узкие задачи, ограничиваются лишь констатацией языковых явлений. Между

тем пословицы – это уникальный источник для исследования народного сознания, прежде всего установок тех слоев населения, которые не оставили богатого письменного наследия. Например, для раскрытия менталитета русского крестьянина интересный анализ пословиц был проведен Б.Н.Мироновым в работе «Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)», где в первую очередь он обратил внимание на отношение крестьян к труду и отдыху, к земле и богатству, бедности, времени, прошлому и настоящему [28: 327-331].

Сложность в проведении такого рода анализа подстерегает исследователя на самом первом этапе: при отборе пословиц не всегда можно четко проследить этническую принадлежность высказывания. Например, у любого народа можно встретить типичные замечания о труде, о здоровье, о дружбе и т.д. Филологи неслучайно относят их к интернациональным образцам фольклора. Поэтому необходимо в огромном наследии устного народного творчества выделить наиболее характерные моменты. Это могут быть пословицы, связанные с этноконфессиональными обрядами и традициями, со специфическими историческими явлениями. Полевые сведения о фольклорном материале могут существенно упростить задачу по формированию выборки пословиц.

Приведем пример интерпретации некоторых сюжетов пословиц. Например, одним из самых волнующих моментов, особенно для русских или иностранных наблюдателей, была проблема многоженства у мусульман. Однако сторонние наблюдения не могли раскрыть внутреннее содержание этого явления и отношение самих мусульман к многоженству. В сборнике татарских народных пословиц, собранных Н.Исанбетом в первой половине XX столетия, приводится более полусотни фольклорных образцов этого жанра на данную тематику, большинство которых дают отрицательную оценку полигамии [29: 199-204]. Особняком стоят несколько вариантов, отличающихся относительно нейтральной позицией. В них многоженство преподносится как особенность татарской жизни, которая отличает ее от повседневности соседей. Например, «русский человек, разбогатев, строит церковь, а татарин женится». Но в целом многоженство в народном сознании ассоциировалось с вечными скандалами и конкуренцией между женами. Подчеркивалось приниженное положение младшей жены, главенство старшей супруги в домашнем

хозяйстве. В то же время ряд пословиц, наоборот, указывали на необходимость второй жены: она рассматривалась как своеобразный символ успешности мужчины. Младшей жене в них отводилась роль отдушины («жан азыгы»), а старшая супруга взамен получала право на имущество, на ведение хозяйства. При этом в нескольких пословицах есть указания на то, что для младшей жены основным стимулом брака является материальная сторона вопроса. Таким образом, пословицы отражают разнообразную гамму чувств, связанных с явлением многоженства.

Необходимо отметить, что пословицы во многом рассматриваются нами в качестве вспомогательного инструмента в понимании различных явлений повседневности. Так, в вышеназванном сборнике Н.Исанбета имеется 326 пословиц на тему пьянства и спиртных напитков [29: 526-592]. Даже общее количество указывает на то, насколько прочно засела в повседневной жизни татар проблема алкоголизма. Или другой пример: факты взяточничества чиновников документально можно проследить лишь по судебным материалам, но в то же время невероятно выразительную оценку этому явлению дают народные высказывания. При выстраивании различных «образов» в «картине мира» татарского общества народные афоризмы можно считать опорными точками исследования [30].

Еще одним любопытным источником изучения повседневного мира простых людей, их отношения к трагическим событиям и эмоционального состояния являются народные песни. Например, причитания и народные плачи активно используются для историко-антропологических исследований по русскому крестьянству, солдатам и их семьям [31, 32].

В татарском фольклоре схожим жанром являются байты. Данные стихотворные произведения составляют важную часть фольклорного наследия. Помимо социальных и семейно-бытовых тем, в них фигурируют исторические события. Формирование байта как отдельного жанра фольклористы относят к XV-XVI столетиям [33: 6]. Создавались они как устно, так и письменно. Чаще всего повествование ведется от первого лица. В них отражались эмоции человека, его переживания и страхи, бытовые трудности и другие чувства.

Среди так называемых военно-исторических байтов особенно много сочинений, посвященных событиям XIX – начала XX

века. Отдельную группу составляют рекрутские песни. Наибольшее количество сохранившихся баитов относится к Первой мировой войне. В 1914-1917 гг. баиты стали настолько популярным жанром народного творчества, что в татарских издательствах выпускались небольшие книжки с песнями (баитами) о войне. Всего известно восемь таких изданий, выпущенных в Казани и Уфе [19: 123].

Для исторических исследований привлекают прежде всего тематические баиты об известных событиях (о лашманах, о русско-японской войне, Первой мировой войне). Но есть пример, когда легендарный сюжет из баита подтверждается другими источниками. В баите «Су вакыйгасы» («Водное происшествие») повествуется о страшном наводнении в деревне Служилая Ура в Заказанье, погубившем более восьмидесяти человек. Существует несколько вариаций этого баита. По документам подтвердилось, что стихийное бедствие случилось 1 июня 1817 г., при этом согласно официальным данным число погибших было меньше, но подчеркивался «величайший ужас» нанесенный населению деревни [34: 41-46]. Таким образом, баит здесь выступил не как дополнение к известным событиям, а как ориентир для поисковой работы и расширения источниковой базы по конкретному факту.

Источники совершенно иного рода – авторские произведения рубежа XIX-XX вв. Целесообразность использования литературных сочинений в исторических исследованиях уже давно не является предметом обсуждения в источниковедении [35: 399]. Тем более странным выглядит пренебрежение большинства исследователей дореволюционной истории колоссальным наследием «золотого века» татарской литературы. В начале XX в. практически любой образованный татарский юноша пробовал себя в качестве литератора. Об этом говорят юношеские пробы пера будущих ученых Г.Губайдуллина, Г.Рахима, С.Максуди, музыканта В.Апанаева и других известных лиц. Поэтому в этих произведениях, помимо художественной ценности, особую роль играет их автобиографичность, они являются своеобразными документами эпохи.

Повседневной жизнью татар-мусульман часто интересовались дореволюционные этнографы и публицисты. Однако русские и иностранные наблюдатели в основном описывали лишь внешние проявления «восточной экзотики»: внешний вид, жилище, еду и т.д. И даже

К.Фукс, знавший татарский язык, сумел раскрыть далеко не все стороны жизни казанских татар. Будни татар наиболее полно мог отразить лишь тот, кто сам являлся частью данной среды.

Одним из самых популярных татарских писателей рубежа XIX-XX вв. был Гаяз Исхаки. Он быстро сменил просветительский тон своих первых произведений с османским акцентом в пользу повествований на татарском языке в стиле русских классиков. Это преобразование обеспечило ему грандиозный читательский успех, который не снился его предшественникам, вроде М.Акъегета или З.Бигиева. А его менее плодотворные в литературе современники Р.Фахреддин и Ф.Карими вскоре полностью перешли к публицистическому жанру.

Художественные произведения Гаяза эфенди охотно раскупались, пьесы ставили татарские театральные труппы, а его портретом украшали свидетельства об окончании медресе и тетради. В его реалистичной прозе персонажи были узнаваемыми, а детали быта вырисованы автором с этнографической точностью. Основные персонажи Исхаки – духовенство (муллы, абыстай), мугаллим (преподаватели), шакирды (студенты), купцы и члены их семей. Своих героев Исхаки «подсматривал» из собственного окружения. Писатель был хорошо знаком и с деревенским бытом, и с городской жизнью. Современники называли героев произведений Исхаки «нашими культурными типами» [36].

Однако историческая составляющая этого интеллектуального наследия до сих пор остается малоизученной. Исхаки по праву считается одним из идеологов татарского женского движения, поэтому литературоведами его произведения чаще всего подвергались анализу с точки зрения «женского вопроса». Помимо этого направления, в прозе Исхаки особо выделялись произведения на тему интеллигенции [37], но с особой теплотой писатель изображал быт и мировоззрение деревенских жителей, крестьянской среды, знакомой и понятной ему с раннего детства.

Встречались довольно неординарные, на первый взгляд, герои. Например, о жизни соннатче бабая (специалиста по обрезанию) можно узнать из одноименного рассказа Г.Исхаки. Помимо бытового фона, писатель показывает особый образ жизни этого человека, его трепетное отношение к своей профессии, родовому занятию, передаваемому из поколения в поколение. Художественное описание подтвер-

ждается документальными свидетельствами. Например, врач А. Сухарев писал о целых деревнях в Заказанье, где жили специалисты по обрезанию. В определенное время они отправлялись по различным направлениям для проведения этой процедуры. «Обыкновенно ремесло это передается из рода в род», – отмечал он [38: 41].

В произведениях Гаяза Исхаки много и автобиографичных моментов. Например, повесть «Зиндан» можно отнести к мемуарной литературе. Начал он ее писать по живым следам революционных событий, во время нахождения в чистопольской тюрьме в 1907 г. Помимо описания арестантской повседневности, в этой повести можно найти ответы на некоторые вопросы о частной жизни писателя.

Исхаки – один из немногих авторов, детально прописавших быт и мироощущения учащихся татарских медресе. По его рассказам и романам можно проследить и распорядок дня, и бытовые условия, и свободное времяпрепровождение учащихся, и их духовно-нравственные метания. Особое место в этом ряду занимает роман «Мулла бабай» (1910), который по праву можно назвать энциклопедией шакирдской жизни.

Повседневную жизнь шакирдов можно назвать одной из малоизученных проблем, прежде всего из-за отсутствия доступных источников. Архивные материалы дают скудные сведения: это либо наблюдения русских инспекторов инородческих школ, либо правила проживания в учебных заведениях [39]. В официальных документах нет сведений о взаимоотношениях шакирдов в медресе, об ученической иерархии, об их отношении к наставникам, к внутренним правилам медресе, о свободном времяпрепровождении шакирдов и т.д. Этот пробел можно восполнить лишь с помощью материалов личного происхождения. В этой связи проза Г. Исхаки является одним из самых информативных источников.

Гаяз Исхаки учился в нескольких медресе (в Чистополе и Казани), но не сумел продолжить дело своего отца – служить муллой. В его прозе, посвященной жизни шакирдов, литературные персонажи нередко сталкиваются с дилеммой – как жить дальше, а их ли это дело? Безусловно, непонимания между старшим и молодым поколениями существовали всегда, но именно на рубеже XIX–XX веков конфликт проявился особенно остро. Духовные метания своего поколения Исхаки во всем многообразии

отразил в своих произведениях: от высоких идеалов до морального разложения.

Одна из главных линий в творчестве писателя – это тема любви и брака. В его рассказах и пьесах можно проследить жизнь татар от сватовства до семейных драм в глубокой старости. Некоторых критиков даже раздражала чрезмерная откровенность Гаяза эфенди. Для мусульманской публики казалось неприличным читать подробности интимной жизни супругов [40:108–109, 246]. Семейные конфликты в своих произведениях Гаяз Исхаки разрешал чаще всего при помощи развода. К слову, и сам писатель состоял в разводе. О подробностях его семейной жизни по архивным данным известно лишь то, что он дважды женился на одной и той же женщине и разводился с ней. Впервые Гаяз Исхаки женился на Марьям Шариповой в 1903 г., окончательно развелся в 1908-м [41: 574–575]. Подробности этой запутанной бракоразводной истории из своей биографии он описал в повести «Зиндан».

Еще одним популярным автором начала XX в. был Фатих Амирхан. Его жизнь, с одной стороны, явление уникальное, с другой – достаточно типично для людей, родившихся в 1880–90-е годы. Оставив шакирдскую жизнь, он мечтал об учебе в университете и серьезно готовился к экзаменам. В нем, как и во многих татарских молодых людях начала XX века, сидел глубокий комплекс неполноценности. Его тяготила «азиатчина» вокруг, но на ментальном уровне он был неразрывно связан с ней. Ф. Амирхан отличался не только своими критическими замечками на злобу дня, но и романтизированными художественными произведениями.

Для исторических изысканий представляют интерес практически все произведения Ф. Амирхана. Если в целом его рассказы и повести отличаются определенной или даже специальной надуманностью (например, «Хаят», или футуристическая повесть «Фатхулла хазрат»), то углубление в детали художественной прозы дает интересный исторический материал. Некоторыми историками эти сочинения уже используются в качестве источника. Например, описание комнаты Хаят приводится в монографии Д. Сулеймановой «Интерьер татарского дома: истоки и развитие» [42].

Появление в традиционном интерьере европейских элементов в виде отдельных образцов мебели, картин, музыкальных инструментов в татарском обществе рубежа

XIX-XX вв. рассматривалось как отклонение от общепринятых норм. Такое же стереотипное мнение доминировало и в оценке внешнего вида человека. Жилое пространство и внешний вид человека характеризовали мироощущение владельца. Поэтому своих противоречивых героев Ф.Амирхан всегда помещал в декорации нового мира и представлял в костюмах нового поколения татар. «Непривычно было видеть на стенах картины с изображением живых существ, огромный рояль в углу...», – читаем мы описание дома Габдельмажита, купеческого сына, живущего на «европейский лад» в рассказе «Праздники» [43: 20]. В рассказе «Как способствовать прогрессу нации» автор подчеркивал, что герой-шакирд «надевал удлинённый пиджак, сшитый портным-татарином» [43: 26]. За этим небрежным замечанием – целая история борьбы и взаимодействия традиций и новаций в одежде.

Модернизация традиционной культуры городских татар привела к тому, что практически каждое новое явление вступало в противоречие с мусульманским восприятием мира. Это касалось внешнего облика татар, положения женщины, коммерческих дел и т.д. Фатих Амирхан мастерски подмечал все эти противоречивые моменты. Даже здоровались мусульмане по-другому: не одной рукой, а двумя. «Они поздоровались с Хусаином, протянув ему только одну руку, и убедившись, что в номере никого нет посторонних, сняли головные уборы», – так он описывал собрание татарских интеллигентов в одном своем рассказе [43: 27].

Помимо отмеченных выше конкретных деталей быта, сочинения Ф.Амирхана можно рассматривать и как источник информации несколько иного рода. В отличие от Г.Исхаки, который никогда не ограничивал себя в выборе темы, с одинаковым психологизмом повествуя и о супруге сельского муллы, и о молодом приказчике в большом городе, герои Ф.Амирхана – это очень узкая социальная группа татарского общества. Практически все его произведения посвящены образованной городской молодежи, мечущейся между долгом перед традициями и желанием изменить свой мир. Он иллюстрировал прежде всего идеалы своего поколения – молодежи начала XX в. В этой связи, может быть, не стоит даже искать прототипов литературных героев Ф.Амирхана, а нужно сопоставление его конструированной реальности и действительности.

Галимджан Ибрагимов появился на литературной арене XX века чуть позже Г.Исхаки и Ф.Амирхана. Не все его произведения можно рассматривать в качестве путеводителя по миру татарской повседневности рубежа XIX-XX вв. Это объясняется и склонностью писателя к романтизированному осмыслению действительности еще до 1917 г., и его формализованным художественным взглядом уже при новом режиме власти.

Но один из первых его опубликованных романов («Молодые сердца», 1912) отличается от его остальных дореволюционных произведений. Из всего литературного наследия автора этот роман является наиболее иллюстративным источником, показывающим татарскую повседневность начала XX в. В нем ясно очерчивается борьба старого и нового, разные настроения в обществе после революции 1905-1907 гг., отношение к новым явлениям. Писатель сумел подчеркнуть характерные детали татарской повседневности начала нового века: от восприятия газет до выбора напитков. Роман был тепло встречен читателями, критики отмечали лишь незначительные шероховатости в описании некоторых персонажей. Например, считалось, что не совсем правдоподобными вышли образы татарских дворян [44: 79].

В центре повествования две сельские семьи – муллы и мурзы. Отдельные детали романа указывают на то, что действие происходит вдали от Казани. Сам писатель тоже был из семьи сельского муллы и вырос в Уфимской губернии. Многие детали романа созвучны с отдельными эпизодами биографии Г.Ибрагимова [45]. Именно они делали произведение этнографичным. В центре повествования – призыв главного героя Зии в армию. Вся семья и окружение взволнованы предстоящим осмотром призывников. Тема армии уже поднималась ранее в татарской литературе Гаязом Исхаки в повести «Солдат». Но социальное значение романа Г.Ибрагимова заключалось в акцентировании внимания читателей на вопросе под условным названием «сэхэрсез руза» (голодовки будущих солдат). Различные способы членовредительства практиковались в татарском обществе со времен рекрутских призывов, а с введением всеобщего призыва приняли еще большие масштабы. Придумывались все новые и новые способы для получения отсрочки по медицинским показаниям. Герой романа Зия тоже пытается уклониться от военной службы с помощью медиков.

Любопытны описания татарских призывников в день осмотра. Этот эпизод вырисован довольно подробно [46: 341]. Очевидно, и сам писатель проходил через эту процедуру. Будущие солдаты будто надеялись своей нерядовой одеждой задобрить начальство, подчеркнуть свою значимость и, возможно, избежать набора. По сравнению с татарами, более буднично выглядели рекруты – представители других народностей. Татары воспринимали осмотр как некое «чистилище» и готовились к нему, как к последнему дню. Так же относились к рекрутам и в деревне: как к обреченным.

Кроме этой проблемы, Г.Ибрагимов поднимает еще целый ряд актуальных социальных вопросов своего времени, поэтому данное произведение является ключевым в изучении татарской повседневности начала XX в.

Таким образом, произведения Г.Исхаки, Ф.Амирхана, Г.Ибрагимова и других их современников открывают широкий простор для научных исследований в области социальной истории, с ее «вещным миром» и разнообразной гаммой настроений. Ментальные установки народа можно проследить по фольклорным материалам. Но фольклор и литературные произведения – своеобразные документы эпохи, требующие сопоставления с информацией из других источников (архивными данными, периодической печатью и т.д.). Лишь при такой предварительной работе можно выделить документальные моменты и использовать их при реконструкции реалий татарского мусульманского общества рубежа XIX–XX столетий. Впрочем, то же самое касается и всех других документов личного происхождения.

Существенным подспорьем для междисциплинарных исследований могли бы стать хрестоматии, выполняющие вспомогательную роль для историков. Например, еще в советское время и в 1990-е гг. в регионах был выпущен целый ряд краеведческих хрестоматий с фрагментами произведений русских писателей [47–49]. Эта источниковедческая работа не потеряла своего значения и сегодня. Аналогичная систематизация татарской литературной классики необходима для ее актуализации и повышения исследовательского интереса.

Литература

1. *Насыров А.К., Поляков П.А.* Сказки казанских татар и сопоставление их со сказками других народов. Казань: Типо-литография Императорского Казанского университета, 1900. 112 с.

2. *Неджибъ.* Пробуждение русских татар и их литература // Современник. 1911. Кн.4. С. 169–171.
3. *Габдрафикова Л.Р.* «Древние тюрки говорили „вперед“, обозначая этим „на Восток“» (фрагменты из лекций Гали Рахима «Фольклор казанских татар») // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2012. №3//4. С. 177–185.
4. *Валиди Дж.* Очерк истории образованности и литературы татар. Казань: Иман, 1998. 157 с.
5. *Катанов Н.* Поволжские татары в их произведениях и в жизни. Обзор литературной деятельности татар за XIX век // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2001. №1. С. 165–181.
6. *Коблов Я.Д.* Религиозные обряды и обычаи татар магометан // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском казанском университете. Том 24, Вып.1–6. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1908. С. 522–528.
7. *Гайнуллин М.Х.* Татарская литература и публицистика начала XX века. Изд. 2-е, доп. Казань: Татар. книжн. изд-во, 1983. 350 с.
8. *Мәһдиев М.С.* Әдәбият һәм чынбарлык: XX йөз башы татар әдәбияты тарихына яна материаллар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. 304 б.
9. *Мәһдиев М.С.* Реализмга таба: XX йөз башы татар әдәбиятында чынбарлыкның чагылышы мәсьәләләре. Казан: Казан ун-ты нәшр., 1989. 154 б.
10. Татар хикәяләре: XX гасыр башы. Казан: Мәгариф, 2007. 399 б.
11. *Шәмсутова А.* Гаяз Исхакий ижатына феминистик проблемаларның идея-эстетик эволюциясе (1897–1954). Казан: Gumanitarya, 2003. 192 б.
12. *Никишина С.Р.* Проблема феминизма в татарской литературе начала XX века (эволюция творческого метода и героя). Елабуга: ЕГПУ, 2004. 126 с.
13. *Гимранова Д.Г.* Проблема женщин в литературных трудах Ризаэддина Фахреддина («Салима, или Целомудрие», «Асма, или Деяние и кара»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2011. 14 с.
14. *Кадымова Р.Р.* Вклад Ризаэддина Фахреддина в формирование нового статуса женщины в татарском обществе конца XIX – начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Казань, 2013. 23 с.
15. *Пиетров-Эннкер Б.* «Новые люди» России: Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции / Пер. с нем. М., 2005. 444 с.
16. *Фридрих М.* Габдулла Тукай как объект идеологической борьбы / пер. с нем. Казань: Татарское книжное издательство, 2011.
17. *Гали Б.Т.* Татарская художественная литература 1914–1917 годов как исторический источник // Ученые записки Казанского государственного университета. 2008. Т.150. Кн.8. С. 183–188.

18. Хабутдинов А.Ю. Тема Первой мировой войны в татарской малой прозе начала XX века // Филология и культура. Philology and Culture. 2015. №4(42). С. 255-259.
19. Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М. Татары в годы Первой мировой войны (1914-1918). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани, 2015. 396 с.
20. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М.: Наука, 1976. 324 с.
21. Хейзинга Й. Осень Средневековья / пер. с нидерл. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2013. 768 с.
22. Дартон Р. Великое кошачье побоище или другие эпизоды из истории французской культуры / пер. с англ. М.: НЛЮ, 2002. 384 с.
23. Габдрафикова Л.Р. Татарский фольклор как основа национального этикета // Estetyczne aspekty literatury polskich, białoruskich i litewskich tatarów (od XVI do XXI w.) = Эстетические аспекты литературы польских, белорусских и литовских татар (XVI-XXI вв.) / Edited by Grzegorz Czerwinski, Artur Konopacki. Białystok, 2015. С. 205-216.
24. Азаматов Д.М. Башкирские и татарские пословицы как источник изучения народного мирозерцания // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1975. Вып.2. С. 187-191.
25. Бакирова Г.Р. Отражение семейно-обрядовых отношений в пословицах и поговорках курганских татар и башкир // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. №22. С. 18-21.
26. Даминдарова Ф.В. Отражение духовно-нравственных традиций в пословицах народов Урало-Поволжья // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. №32. С. 61-66.
27. Хузина Э.С. Гендерные стереотипы в татарском языковом сознании // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. №13. С. 147-149.
28. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. Т.1. 2-е изд., испр. СПб.: Дм. Буланин, 2000. XL, 548 + 583 с.
29. Татар халык мәкальләре: мәкальләр жыйнагы: 3 томда / Төз. Н.Исәнбәт. 2-нче басма. Т.2. Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. 748 б.
30. Габдрафикова Л.Р. Образ чиновника в «картине мира» татар в конце XIX – начале XX века // Бюрократия и власть в Российской империи в конце XVIII – начале XX вв.: региональный аспект: Сб. научн. трудов / научн. ред. И.В.Маслова, отв.ред. Н.Л.Семенова. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2014. С.18-32.
31. Поршнева О.С. Социальное поведение русского крестьянства в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) // Социальная история. Ежегодник, 2000. М.: РОССПЭН, 2000. С. 60-61.
32. Щербинин П.П. О чем плакала солдатка? (Повседневная жизнь солдатских жен в России в XVIII – начале XX в.) // Социальная история. Ежегодник, 2004. М.: РОССПЭН, 2005. С. 134-137.
33. Татар халык ижаты. Бәетләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1983. 352 б.
34. Салихов Р.Р. Служилая Ура: рождение татарского капитализма. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани, 2015. 280 с.
35. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика / под ред. А.К.Соколова. М.: Высш. шк., 2004. 687 с.
36. Габдрафикова Л.Р. Социальная жизнь татар-мусульман на рубеже XIX-XX вв. в художественной интерпретации Гаяза Исхаки // Облик российской провинции: исторические и современные социокультурные проблемы: V Международные Стахеевские чтения. Елабуга, 2012. С. 98-105.
37. Кадырова А.О. Пьесы Исхаки на тему интеллигенции – аспект «новой драмы»: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2007. 185 с.
38. Сухарев А. Казанские татары (уезд Казанский). Опыт этнографического и медико-антропологического исследования. СПб Тип. П.П.Сойкина, 1904. 195 с.
39. Медресе г. Казани XIX – нач. XX вв.: Сборник документов и материалов. Казань: Гасыр, 2007. 319 с.
40. Исхакый Г. Әсәрләр. 15 томда. Т.8. Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. 447 б.
41. Гаяз Исхакый: тарихи-документаль җыентык. Казан: Жыен, 2011. 964 б.
42. Сулейманова Д.Н. Интерьер татарского дома: истоки и развитие. Казань: Татар. кн. изд-во, 2010. 141 с.
43. Амирхан Ф. На перепутье / пер. с тат. яз. Казань: Татар. кн. изд-во, 1979. 334 с.
44. Гыйлажев Т.Ш. Рецензияләрдән тәгъзияләргә. XX йөз башы татар әдәби тәнкыйте. Казан: Татар. кит. нәшр., 2008. 254 б.
45. Габдрафикова Л.Р. Татарская повседневность конца XIX – начала XX века в романе Галимджана Ибрагимова «Молодые сердца» // Г.Ибраһимов мирасы һәм төрки дөнья: конференция материаллары. Казан, 2012. 131-133 б.
46. Ибраһимов Г. Сайланма әсәрләр. Т.1. Казан: Таткнигоиздат, 1957. 525 б.
47. Казань в художественной литературе / сост. В.Аристов, А.Каримуллин, В.Климентовский. Казань: Татарское книжное издательство, 1977. 360 с.
48. Башкирия в русской литературе, в шести томах. Т.2. / ред. коллегия Рахимкулов М.Г. (сост.), Сафуанов С.Г., Чванов М.А. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1990. 432 с.
49. Знаменитые люди о Казани и Казанском крае / сост. А.В.Гарзавина, И.А.Новицкая. Казань: Kazan-Kazan, 1999. 424 с.

ТАРИХИ ЧЫГАНАК БУЛАРАК XIX-XX ГАСЫР ЧИГЕ ТАТАР ӘДӘБИЯТЫ

Лилия Рамил кызы Габдерәфыйкова,
Татарстан Республикасы Фәннәр Академиясенә
Ш.Мәрҗани исемендәге Тарих институты,
Россия, 420014, Казан ш., Кремль, 2 нче подъезд,
bahetem@mail.ru.

Мәкаләдә тарихи-антропологик тикшеренүләрнең методологик мәсьәләләре карала. Чыганаclar базасының житәрлек булмавы сәбәпле, инкыйлабка кадәрге татар тарихын «кечкенә кеше» мәнфәгатьләре, аның шәхси һәм көндәлек тормышы, шәхеснең индивидуаль үзенчәлекләре ягыннан өйрәнү авырлаша. Тарихи тикшеренүләрнең чыганаclarын татар халык авыз ижаты һәм әдәби әсәр материалларын җәлеп итү исәбенә киңәйтү, шулай ук татар гуманитар белемдә фәнәра юнәлешне үстерү әлеге фәнни мәсьәләне хәл итүнең бер юлы булып санала ала. Татар халык авыз ижатын һәм әдәбиятын тикшерү тарихына кыскача күзәтү ясау шуны күрсәтә: хәзерге фәнни хезмәтләрнең күпчелеге тар фәнни кысалар белән чикләнә. XIX-XX гасыр чиге татар көндәлек тормышын өйрәнү мисалында, автор татар халкының фольклор һәм әдәби мирасында тарихи потенциал барлыгын, фәнәра тикшеренүләрдә матур әдәбият текстлары һәм тарихи контекст арасында диалог кору мөмкинлеген күрсәтә. Мәкаләдә, көндәлек тормышның аерым сюжетларына нигезләнеп, мәкаль һәм бәетләргә социомәдәни анализ тәкъдим ителә, танылган татар язучылары – XX йөз башы тарихи процессында катнашучыларның (Г.Исхакий, Ф.Әмирхан, Г.Ибраһимов) әсәрләренә чыганаc буларак күзәтү ясала. Моннан тыш, язучыларның тәрҗемәи хәлләре һәм әдәби әсәр текстларында урын алган аерым автобиографик моментлар да тикшерелә.

Төп төшенчәләр: татар әдәбияты, татар фольклоры, көндәлек тормыш тарихы, чыганаc белеме, тарихи антропология, Гаяз Исхакий, Фатих Әмирхан, Галимжан Ибраһимов.